Свято-Филаретовский институт

+7 |495| 623 03 80 • info@sfi.ru
Москва, Токмаков пер., 11

Поддержите СФИ

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ, доктор экономических наук
Москва

Демографические итоги послереволюционного столетия

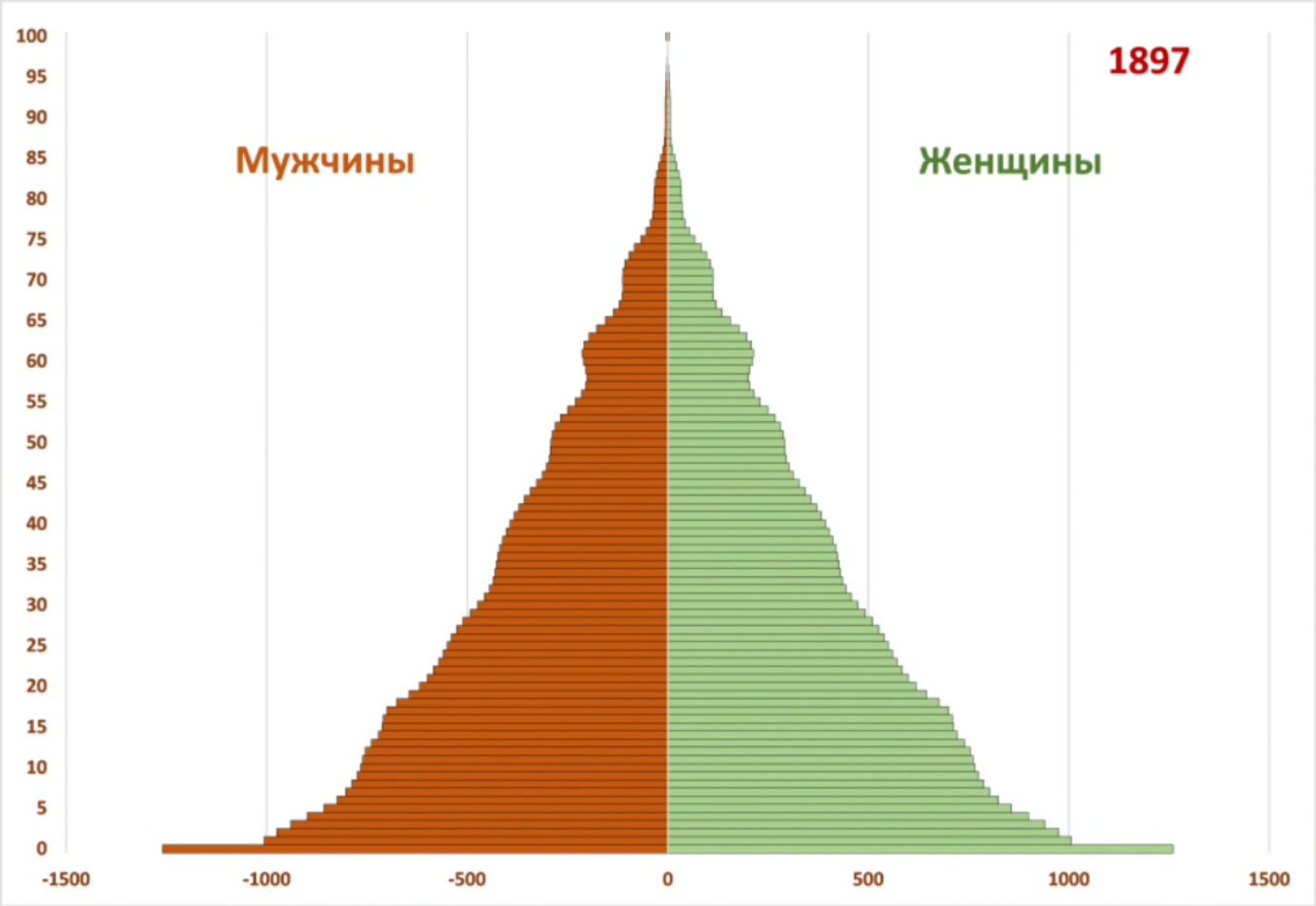
Научно-практическая конференция СФИ «Духовные итоги революции в России: Коллективный человек и трагедия личности (2017)»
08 ноября 2017

Публикуем доклад профессора Анатолия Вишневского, директора Института демографии Национального исследовательского университета Высшей школы экономики о демографических последствиях революции.

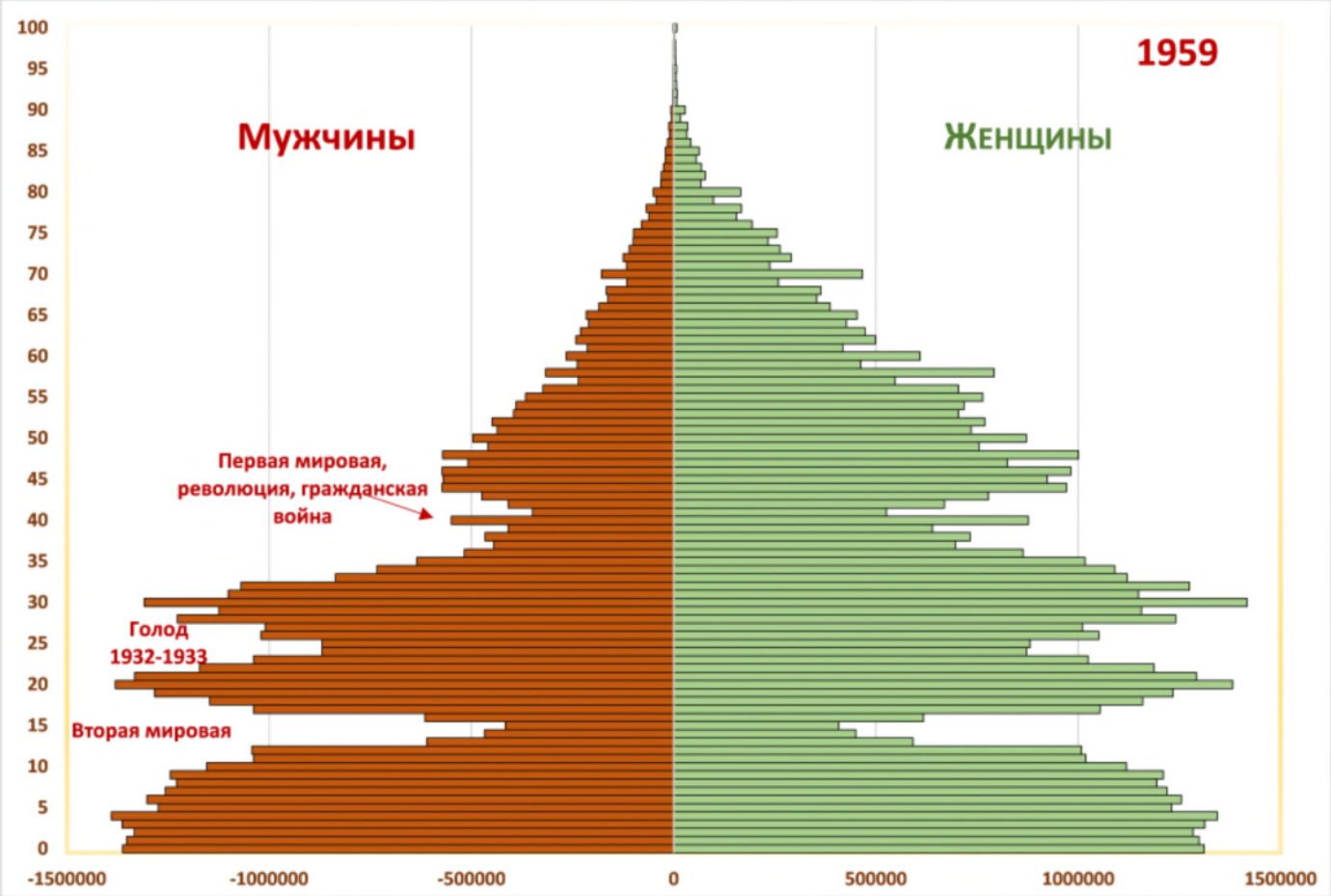
Политики, принимающие участие в крупных исторических событиях и после их окончания

оказавшиеся у власти, всегда считают себя победителями. А победителей не судят. Поэтому они не любят говорить о цене победы, особенно если она высока, а если говорят, то всегда стараются ее преуменьшить.

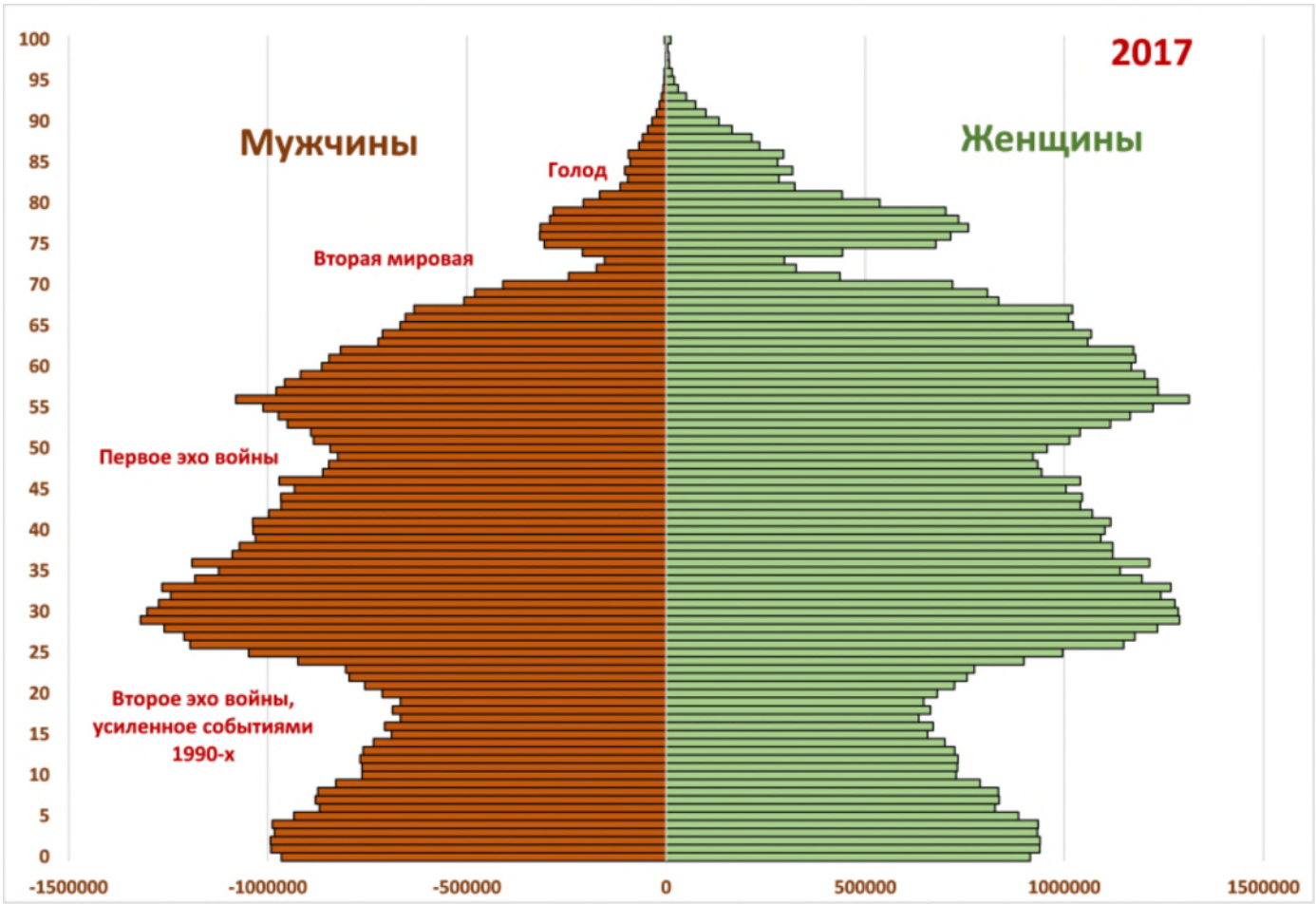
К числу таких нелюбимых советской властью вопросов всегда относился вопрос о демографической цене ее побед. Делалось все, чтобы скрыть истинное положение вещей, приукрасить его, ослабить к нему интерес, – в надежде на то, что со временем все забудется и время смоет все следы. Однако, на самом деле, как раз демографические следы никуда не исчезают, они живут дольше любого правителя и, подобно годичным кольцам на спиле дерева, обнаруживаются и прочитываются даже сто лет спустя. Роль такого спила в демографии играют половозрастные пирамиды.



Половозрастная пирамида населения России в 1897 году



Половозрастная пирамида населения России в 1959 году



Половозрастная пирамида населения России в 2017 году

Хотя доклад посвящен демографическим итогам революции и всего, что за ней последовало, нельзя не сказать вначале о ее демографических предпосылках. Как писал в свое время Кейнс, «колоссальные потрясения общества, которые опрокинули все, что казалось наиболее прочным <...>, быть может, в большей степени обязаны глубокому влиянию роста населения, чем Ленину или Николаю; а разрушительные силы чрезмерной народной плодовитости, возможно, сыграли большую роль в подрыве привычного порядка, чем сила идей или ошибки самодержавия» [1].

Историки спорят между собой о том, как влиял рост населения на его благосостояние и в какой мере изменение благосостояния могло стать причиной революции. Мне же кажется, что дело не в благосостоянии. Случаи падения благосостояния и даже прямого голода крестьянского населения – не редкость в истории, не редкость и крестьянские бунты в подобных случаях. Но бунт – это еще не революция. А в России произошла именно революция, и сейчас я хочу обратить внимание на тот вклад, который внес в подготовку этой политической революции относительно самостоятельный исторический процесс, получивший название «демографического перехода».

Спусковой крючок демографического перехода – снижение смертности. На ранних этапах перехода оно приводит к росту населения, что в аграрных обществах с ограниченными земельными ресурсами неизбежно ведет к выталкиванию избыточных людей за пределы сельскохозяйственных занятий, росту промышленности, торговли и городов и, в конечном счете, меняет всю социальную ткань.

Городская экономика и городская культура проникают в деревню, взрывают ее изнутри и усиливают стремительно возрастающую потребность в каналах социальной мобильности.

В России крестьянские переселения на свободные земли на Юге России или за Уралом в какой-то мере ослабляли переход в мобильности, но в то же время они сдерживали урбанизацию, которая одна только и могла переформатировать общество, создать новое многомерное социальное пространство для быстро растущего числа людей, предлагающее им все новые и новые каналы социальной мобильности, возможности выбора, варианты жизненного пути. Всего этого катастрофически не хватало, и в стране нарастало ощущение необходимости перемен.

Больше чем за 30 лет до революции Глеб Успенский писал о жизни, казалось бы, только о семейной жизни, русской деревни: «Все зашаталось, все рвется из тисков, из нескладных условий, требует своего; все это, задохнувшееся в деспотизме свекрови, мужа, жены, брата, рвется на свободу, не хочет покоряться и, вырвавшись, усиливает сумятицу то кабацким бесчинством, то кражей с голодухи, то кражей для смеха, то дерзостью для смеха и для собственного удовольствия, и надо всем этим столпотворением в ужасе стоят мочальные фигуры начальников, не ведающие никаких средствий, кроме палки, вопиющих о развращении нравов, вопиющих о том, что страха нет, страха, страха...» [2].

Здесь нет речи ни о разорении деревни, ни о ее бедности или богатстве, ни, тем более, о революции. Но есть тревожное ощущение того, что все шатается и назревают перемены. Это массовое ощущение было, скорее всего, очень неясным, как и представление о том, какими должны быть эти перемены. Власть и представители разных групп оппозиции видели их по-разному, договориться между собой не могли, неустойчивость системы возрастала, война сыграла роль детонатора, произошел взрыв, и система разрушилась.

Это и была революция.

Если верить Ленину, то «самый главный вопрос всякой революции» – это вопрос о государственной власти. В России этот вопрос был надолго решен ровно 100 лет назад. Цепь событий, начавшихся 2 (15) марта 1917 года низложением прежней власти, обычно называемой самодержавием, завершилась утверждением новой власти, скромно именовавшей себя диктатурой. Это самоназвание вскорости было закреплено конституцией, задача которой, как в ней же было и записано, заключалась «в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» [3].

Население Российской империи – тогда примерно 170 млн человек – состояло не только из пролетариата и беднейшего крестьянства, они не были и большинством. Почему именно эта часть народа, помимо всего прочего, наименее образованная, должна была диктовать свою волю всему народу? Почему к этому надо было стремиться? Как практически должна была осуществляться эта диктатура? Ведь никто не собирался приглашать пролетариев и беднейших крестьян в Кремль, там и без них очень скоро стало тесно для тех, кто хотел управлять страной от их имени.

Сейчас уже поздно задавать эти вопросы. Произошло то, что произошло, и в рамках нашей ограниченной задачи мы хотим лишь понять, что из этого получилось – в терминах демографических последствий.

Если говорить о раскупорке каналов социальной мобильности и связывать их с урбанизацией, то эта задача была решена очень быстро, страна за считанные десятилетия из сельской превратилась в городскую. В поколениях, родившихся в последнее десятилетие XIX века, лишь 22% тех, кто достиг возраста 30–39 лет, жили в городах. Для тех, кто родился 40–50 лет спустя, этот показатель поднялся до 70% и выше [4].

В СССР быстрая (возможно, даже слишком быстрая) урбанизация и превращение сельского общества в городское ассоциировались с «социалистическими преобразованиями», на самом деле они были необходимым ответом на требования времени и имели ту же природу, что и во всех странах, проделавших тот же путь без всякого социализма.

В момент революции страна стояла на развилке, затем сделала выбор и пошла по одному из возможных путей. Можно предположить, что отклоненные пути привели бы к тому же, а, может быть, даже и к лучшему результату, но проверить это сейчас уже невозможно. Единственное, что можно сделать, это попытаться понять потери, сопряженные с приобретениями минувшего столетия. Оно прошло под лозунгом «мы за ценой не постоим!» Не слишком ли была высока цена и всегда ли она была оправдана?

Я буду говорить только о демографической цене.

В 1917 году население Российской империи в границах СССР, существовавших до 17 сентября 1939 года, составляло 143,5 млн человек, в границах СССР после Второй мировой войны – 163 млн. Число жителей России в ее нынешних границах на начало 1917 года составляло 91 млн [5].

Население России перед революцией быстро росло, этот рост ускорился в конце XIX века, в начале XX века ежегодный прирост населения был устойчиво высоким – близким к 20‰. Можно было даже ожидать его увеличения – в стране наметилось снижение смертности и России предстояло пережить свой демографический взрыв – следствие запаздывания снижения рождаемости от снижения смертности, подобно тому, как это было в XIX веке в странах Западной Европы (кроме Франции).

Однако этого не произошло.

Снижение смертности в СССР было надолго прервано вначале Первой мировой войной, революцией и гражданской войной, а затем форсированным «строительством социализма» и Второй мировой войной. Во всех этих исторических событиях СССР, как и Россия в его составе, понесли огромные людские потери.

Таблица 1. Оценки числа преждевременных смертей в Российской империи – СССР, обусловленных историческими событиями первой половины XX века, млн человек

Событие	Количество жертв, млн человек
Первая мировая война, революция, Гражданская война и их последствия	12-18

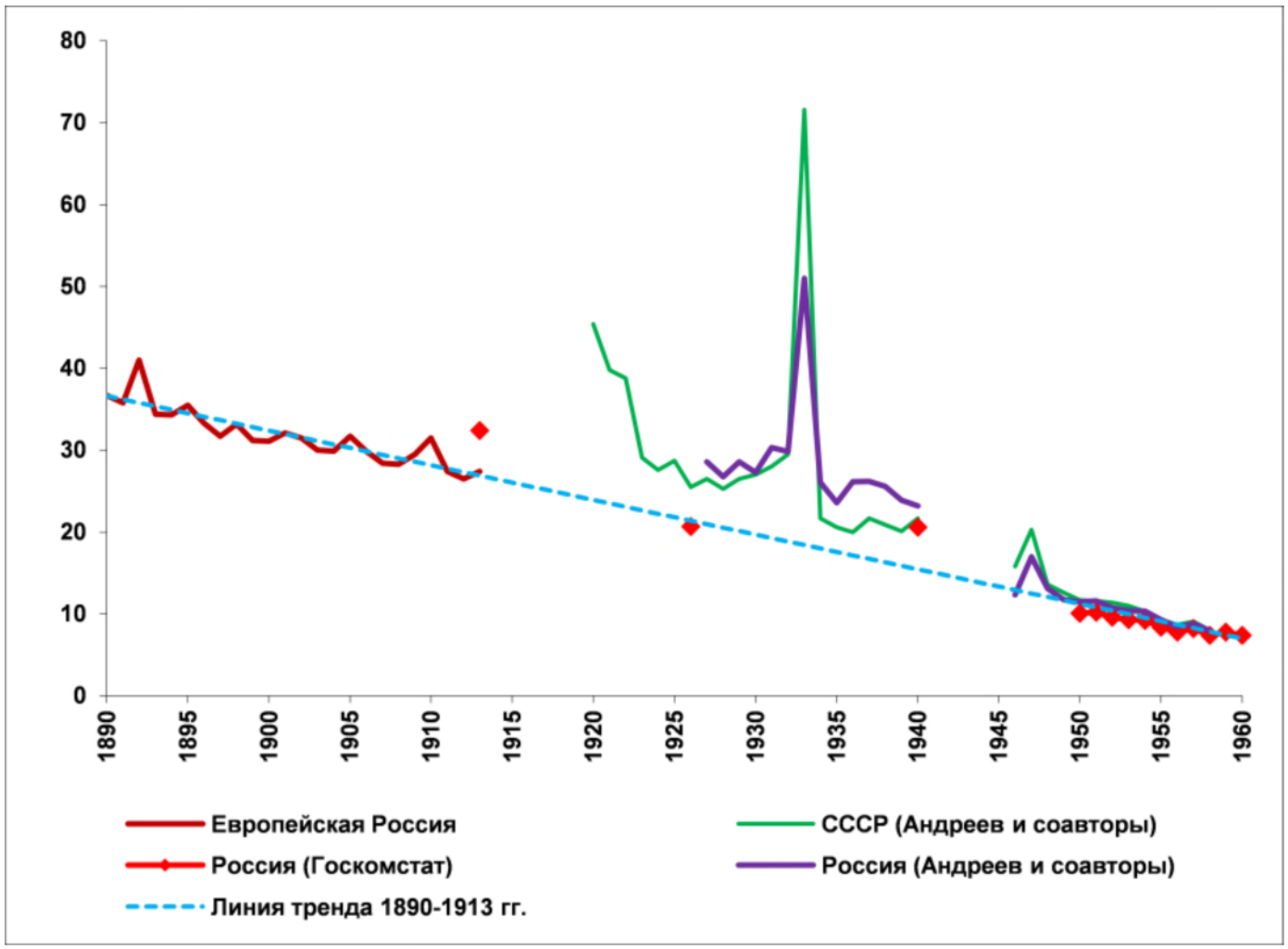
Голод 1932-1933 годов	5-10
Политические репрессии	4-6
Вторая мировая война	27
Голод 1946 года	1
Всего (округленно)	50-60

Источник: Демографическая модернизация России. 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневского. М. : Новое издательство. 2006: 406, 411–412, 438, 439–442.

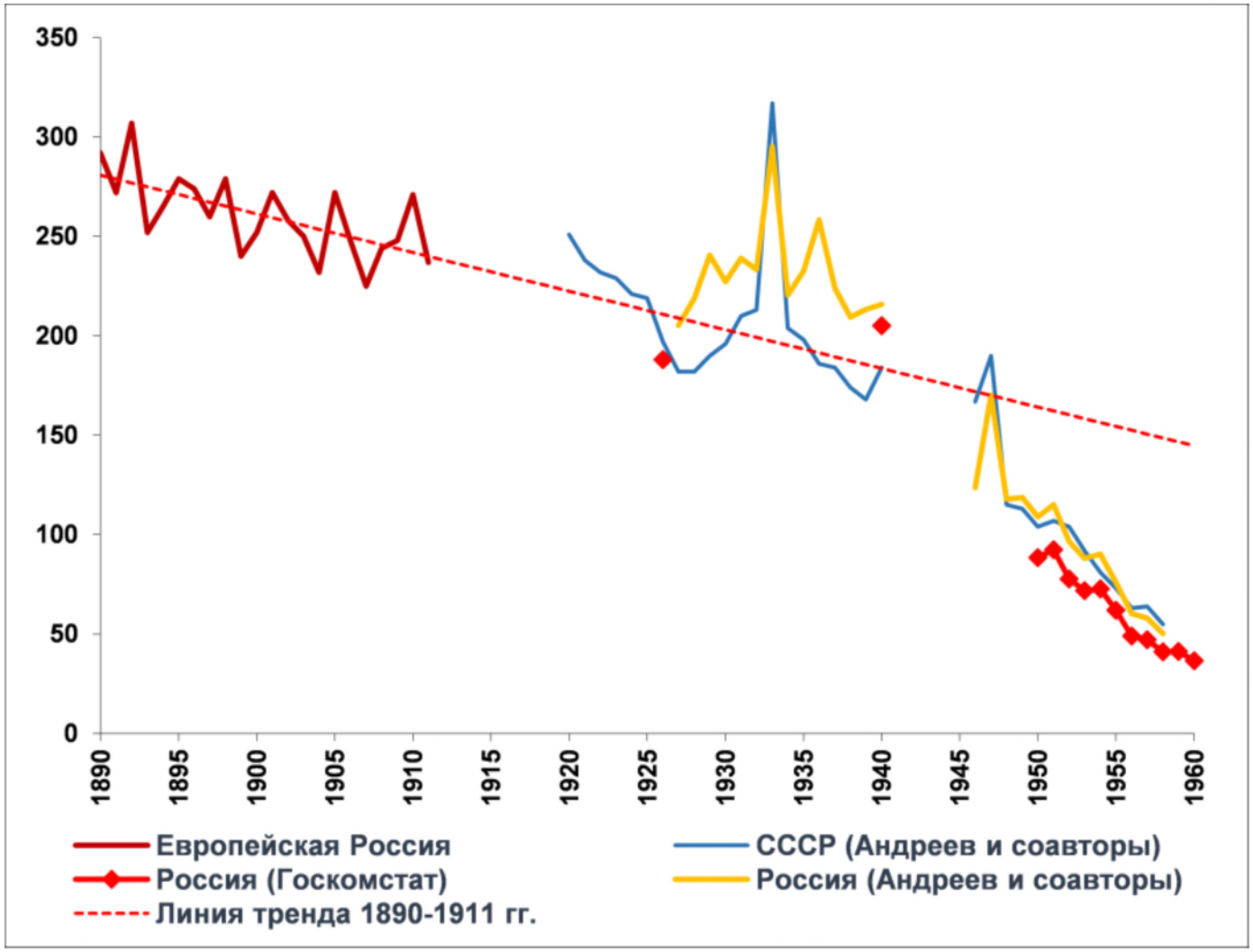
Я не настаиваю на абсолютной точности этих оценок, есть и другие, важен порядок величин.

Но, кроме того, условия жизни большинства населения – постоянный товарный дефицит, жилищный кризис и низкий уровень благоустройства городов, порожденные военной разрухой вкупе со стремительной урбанизацией, культурная маргинальность новоиспеченных горожан, ограниченные возможности системы здравоохранения, хотя и развивавшейся относительно успешно, – все это не способствовало снижению смертности и росту продолжительности жизни людей, даже если они и не были прямыми жертвами социальных и военных потрясений.

До революции смертность в России хоть и медленно, но снижалась. Во время Первой мировой и Гражданской войн, а затем снова в конце 20-х – начале 30-х годов тенденции смертности сошли со своей дореволюционной траектории, а вернулись на нее – и даже перешли на более успешную траекторию – только в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

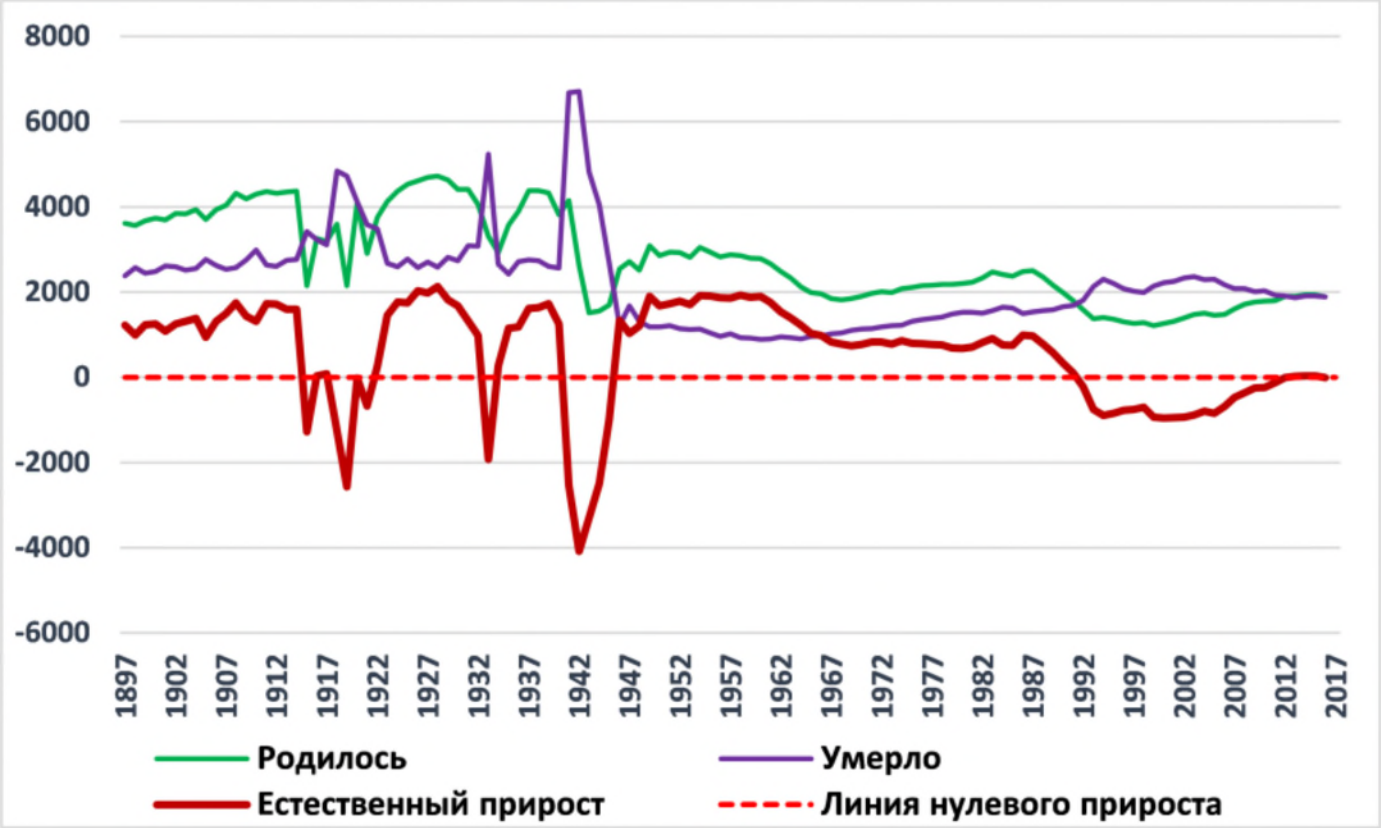


Общий коэффициент смертности на 1000 человек населения. Источник: Демографическая модернизация России: 264.



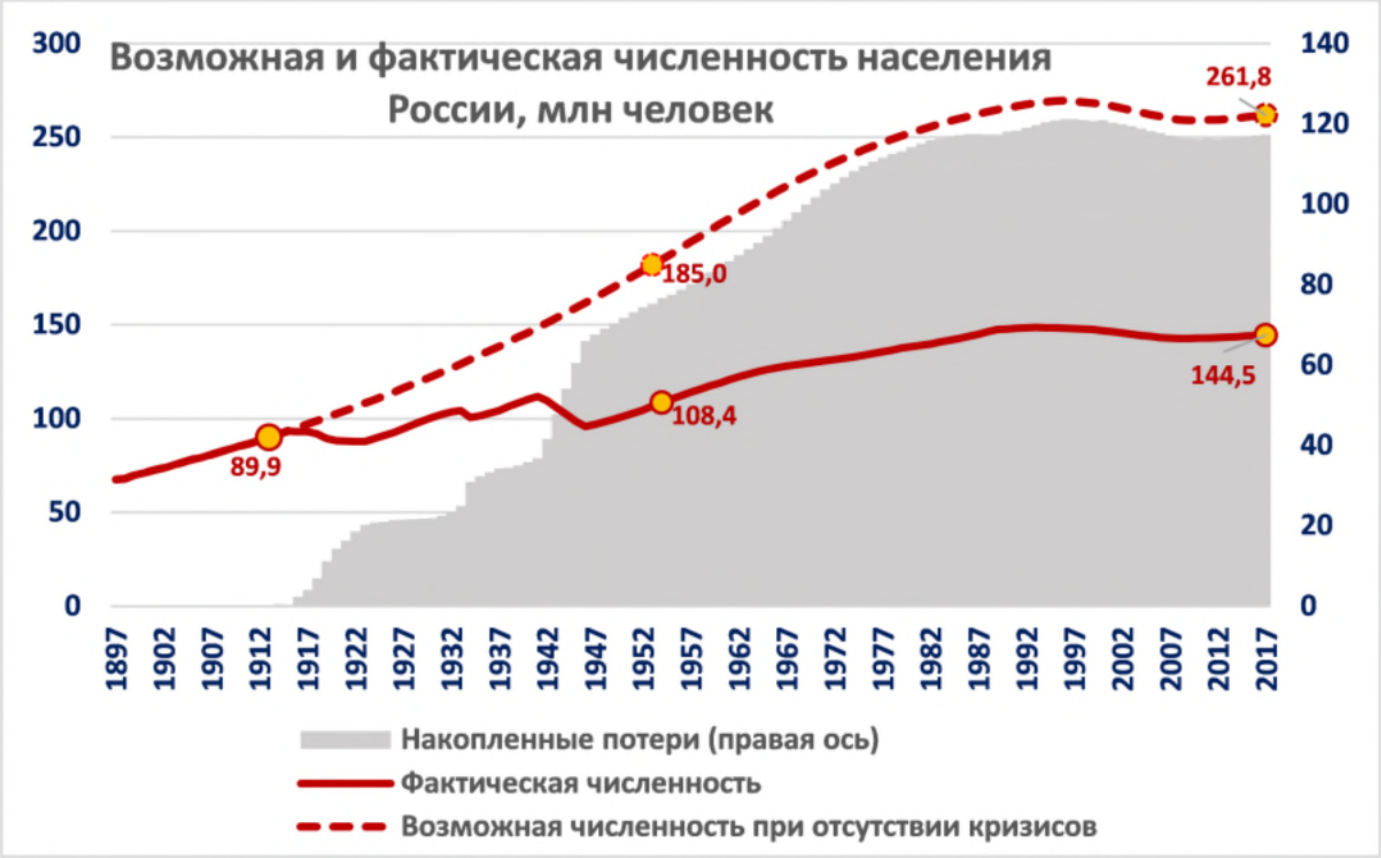
Коэффициент младенческой смертности на 1000 родившихся в России и СССР. Источник: Демографическая модернизация России: 264.

Но к этому времени рождаемость уже необратимо упала, и в дальнейшем можно было ожидать только ее продолжающегося падения. Свой демографический взрыв Россия упустила, а затем началось неизбежное (как и в других странах) снижение естественного прироста – вплоть до его превращения в отрицательную величину.



Число родившихся, умерших и естественный прирост населения России, тыс. человек

Можно попытаться приблизительно оценить, каким могло бы быть население России, если бы этот шанс не был упущен и страна подошла бы к завершению демографического перехода естественным путем. Одна из таких оценок представлена на графике ниже.



Возможная и фактическая численность населения России, млн человек

О точных цифрах можно спорить, но порядок величин едва ли может быть поставлен под сомнение. Меньше чем за 4 послереволюционные десятилетия (с 1917 по 1954 годы) население России выросло, по официальным данным, с 91,0 до 108,4 млн (на 17,4 млн человек), не добрав при этом населения целой России начала века.

Если бы не этот недобор, сегодняшних проблем с недонаселенностью России, особенно ее азиатской части – Сибири, Дальнего Востока – могло бы не быть или, во всяком случае, они были бы далеко не такими острыми, как сейчас.

Как все это связано с революцией?

Пожалуй, первый приз за формулирование революционных демографических задач Советской власти я бы отдал Кирову. В 1932 году, поздравляя чекистов с большим праздником – 15-летием ЧК-ОГПУ – он четко обозначил свое понимание роли этого органа, «призванного карать, а если попросту изобразить это дело, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был заметен прирост населения, благодаря деятельности нашего ГПУ».

Но все же Киров не был первооткрывателем, он пришел на готовое. Если оставить в стороне гражданскую войну, где вооруженные люди были с обеих сторон, то поражает легкость, с которой власть стала применять насилие против беззащитных невооруженных людей сразу же после того, как эта война закончилась. И это особенно не скрывалось.

Ленин обожал слово «расстрел».

«Мещане писали и вопили: “Вот большевики ввели расстрелы”. Мы должны сказать: “Да, ввели, и ввели вполне сознательно”». «Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно». «Устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять». «Карать не позорно-глупым, “коммунистически-тупоумным” штрафом в 100–200 миллионов, а расстрелом». «За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое». «С меньшевиками и эсерами: расстрел за политическое оказательство». «По-моему, надо расширить применение расстрела». «Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революционным трибуналом предоставляется право применения как высшей меры наказания – расстрела по преступлениям, предусмотренным статьями 58, 59, 60, 61, 62, 63 Уголовного кодекса. Добавить и статьи 64 и 65 и 66 и 67 и 68 и 69». «Добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы» [6].

Это цитирование можно долго продолжать.

Не удивительно, что у статистических органов Того света никогда не было проблем с приростом населения за счет вновь прибывающих из СССР. Но в самом СССР масштабы переселения с Этого света на Тот особо не афишировались, а, напротив, тщательно скрывались с помощью фальсифицированных цифр, сильно его преуменьшавших.

В январе 1934 года в Москве проходил XVII съезд ВКП(б) – «Съезд победителей». На нем был представлен отчет за неполных 4 года, прошедшие с предыдущего съезда (май 1930 года).

В чем состояло победительство?

Два из этих трех лет были годами страшного голода, охватившего огромные территории России, Украины и Казахстана. По оценкам, голодало не менее 30 млн крестьян, иногда называют и более высокие цифры. Ворота на Тот свет были широко открыты, власть же делала все от нее зависящее, чтобы сделать их еще шире.

Сохранившиеся к тому времени вожди революции заботливо издали директиву, в которой предписывалось не допускать начавшегося массового выезда крестьян с Украины и Кубани в более благополучные районы. Территории, пораженные голодом, окружались войсковыми кордонами, и население не выпускалось за их пределы. Тех же, кому все же удалось проскользнуть, надлежало арестовывать, выявленные «контрреволюционные элементы» сажать, остальных же выдворять на места их прежнего жительства.

По разным оценкам, через широкие ворота голода на Тот свет проследовало от 4 до 8 млн человек. Но произносить слово «голод» в публичном пространстве было запрещено.

Впрочем, судя по тому, что обсуждалось на «Съезде победителей», его и не было.

В главном докладе было сказано, что «любой крестьянин, колхозник или единоличник, имеет теперь

возможность жить по-человечески», были отмечены «исторические достижения в материальном положении трудящихся, о которых не могут даже мечтать рабочие и крестьяне самых что ни на есть “демократических” буржуазных стран». Докладчик с увлечением рассказывал о том, что «старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане – начинает исчезать» [7].

Говорилось, конечно, и о демографических успехах, о «росте населения Советского Союза со 160,5 миллиона человек в конце 1930 года до 168 миллионов в конце 1933 года» [8].

Докладчику вообще нравились приснившиеся ему демографические успехи. Год спустя на встрече с представителями простого народа, комбайнёрами и комбайнёрками, он рассказывал им, что как «теперь все говорят, ... материальное положение трудящихся значительно улучшилось, ... жить стало лучше, веселее... Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше... Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию» [9].

Три года спустя, в 1937 году, прошла перепись населения, и население страны оказалось намного меньше, чем было названо в 1934 году, – всего 162 млн человек. Опубликовать эту цифру было никак нельзя, перепись объявили вредительской, и в январе 1939 года была проведена новая перепись.

Уже в марте 1939 года Главный Демограф страны первым огласил ее результаты – 170 млн человек, после чего была опубликована официальная цифра – 170,5 млн. До сих пор идут споры, была ли эта цифра действительно получена при переписи или придумана по приказу сверху. Но даже если она была честно получена, то как совместить ее с тем, что, по словам того же Главного Демографа, к началу 1934 года было 168 млн и потом каждый год прибавлялось по три миллиона душ?

Не причислял ли он к ним и мертвые души?

1939 год был подходящим для подведения промежуточных демографических итогов действий революционной власти, потому что страна готовилась открыть новую очередную страницу своей демографической истории.

В том же главном докладе на партийном съезде, в котором были впервые упомянуты итоги январской переписи населения (170 млн), много говорилось об уже начавшейся новой империалистической войне, которую «ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США». Под государствами-агрессорами понимались Германия, Италия и Япония, и при этом подчеркивалось, что «неагрессивные, демократические государства» «располагают громадными возможностями» и «взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении» [10].

Тема превосходства над фашистскими государствами получила развитие в следующем после главного докладе Дмитрия Мануильского, где, в частности, разъяснялось, что «для большой серьезной войны фашистская Германия не готова: у нее нет достаточно сырья, продовольствия, ее финансовое положение критическое, ее берега уязвимы для морской блокады, в ее армии недохватка командного

состава, ее тыл – опасный для фашизма тыл. Преимущества материальной силы, несомненно, на стороне так называемых демократических государств».

«Эти государства располагают населением в три раза больше, чем блок агрессоров, производят стали в 1½–2 раза больше, вырабатывают в два раза больше электроэнергии, выпускают в четырнадцать раз больше автомобилей, добывают в пятьдесят пять раз больше жидкого топлива, в девять раз больше текстильного сырья, в четыре раза больше продовольствия; они могу покрыть полностью свои сырьевые потребности, в то время как блок агрессоров имеет даже в мирное время дефицит в размере 50–55%; их наличные золотые запасы в сорок девять раз превосходят резервы фашистских государств. Их производственные возможности в самолетостроении, моторизации армии, ее военно-технической оснащенности далеко превосходят самые смелые расчеты фашистского блока; морской флот Франции, Англии и США в два раза сильнее, чем флот Германии, Италии и Японии» [11].

Делегаты съезда были настроены очень бодро. Главный докладчик иронизировал по поводу «фашистских заправил» и зал чутко откликался на его юмор, об этом свидетельствуют ремарки в стенограмме съезда – (смех), (общий смех), (аплодисменты) и т.п. Ну, например:«Вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, то есть Советскую Украину, к козявке, то есть к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смирительных рубах для таких сумасшедших (Взрыв аплодисментов)» [12].

Когда война закончилась, снова прозвучала мысль об изначальном превосходстве победителей, о «величайших преимуществах коалиции демократических государств, которые обладали значительно превосходящими возможностями и резервами в экономике и технике для победы в мировой войне. Эти преимущества видны также из сравнения численности населения: демократические государства – СССР, США и Англия – имели численность населения в 372 млн человек, в то время как фашистские государства – Германия, Япония и Италия – имели 186 млн человек» [13].

Эти слова взяты из книги Николая Вознесенского (1948), председателя Госплана СССР, руководившего экономикой страны во время войны и потому достаточно осведомленного. Его, правда, потом неизвестно за что казнили, но все же вначале его книга была удостоена Сталинской премии и, как утверждал впоследствии Леонид Ильичев, ее «ещё в рукописи прочитал с карандашом в руках Сталин и сделал свои пометки и даже некоторые вставки» [14].

Как совместить такое превосходство с понесенными Советским Союзом – и Россией в его составе – огромными людским потерями?

Имеется множество оценок этих потерь, они колеблются в широком диапазоне, но все же основная масса оценок концентрируется в интервале 26–27 млн человек. Между прочим, примерно так же уже в 1948 году оценил потери СССР русский эмигрант Николай Тимашев (26,6 млн) [15].

Если принять эти оценки, то на СССР приходится от трети до половины всех людских потерь стран, участвовавших во Второй мировой войне (61 страна с общим населением 1,7 млрд человек).

Сталина уже не было в живых, а величина военных потерь продолжала оставаться государственным

секретом. Когда в 1956 году Дмитрий Шепилов, в то время министр иностранных дел СССР, запросил у ЦСУ СССР подлежащие публикации данные о людских потерях во Второй мировой войне, руководитель ЦСУ Владимир Старовский воспротивился публикации точных данных, хотя и признал, что «потери в СССР в войну составили не 7 млн, а значительно больше».

Он рекомендовал «или не называть вовсе цифру потерь, ограничившись формулировкой «многие миллионы», или же назвать цифру – свыше 20 млн человек, дав ее примерно в следующей редакции: «Советский Союз за период Великой Отечественной войны потерял в боях с захватчиками, в результате истребления населения оккупантами, а также от снижения рождаемости и увеличения смертности, особенно в оккупированных районах, свыше 20 миллионов человек» [16].

Старовского можно понять. Он был восьмым руководителем советской статистики с момента ее возникновения. Из 7 его предшественников пятеро было расстреляно. Не удивительно, что он заботился о сохранении демографических секретов СССР.

К совету Старовского прислушались. Впоследствии им воспользовались Никита Хрущев («более двух десятков миллионов жизней советских граждан») и Леонид Брежнев («свыше 20 миллионов человек»). И лишь позднее, в 1990 году, Горбачев сказал, что «война унесла почти 27 млн жизней советских людей», и эта цифра была канонизирована.

Со смертью Сталина закончилась эпоха откровенного демографического разорения России, но это не значит, что новое, более вегетарианское время стало временем демографического благоденствия. Это не так. Вот уже более полувека Россия переживает затяжной кризис смертности. Начиная с середины 1960-х годов, пусть и с колебаниями, увеличивается отставание России от более успешных стран по продолжительности жизни. Сейчас оно достигает 10–15 лет, то есть сопоставимо с тем, какое демонстрировала царская Россия в начале XX века.

Демографическая цена кризиса смертности очень высока. Было подсчитано, например, что если бы снижение смертности после 1965 году не прекратилось, а продолжалось такими же темпами, какими оно шло на Западе, то общее число смертей в России за 1966–2000 годы было бы на 14,2 млн меньше фактического [17] – это больше людских потерь России во Второй мировой войне (если принять их равными половине потерь СССР).

По общему мнению, одна из главных непосредственных причин кризиса смертности – массовое злоупотребление алкоголем. Это было подтверждено и экспериментально во время горбачевской антиалкогольной кампании, когда на короткое время смертность значительно снизилась, а потом, когда эта кампания сошла на нет, снова повысилась.

Задумываясь над этим, нельзя не вспомнить еще об одном сквозном направлении политики революционной власти – спаивании народа.

Это давняя государственная традиция России, восходящая еще к Ивану Грозному, учредившему в Москве первый кабак. Как писал историк Костомаров, «простой народ пил редко: ему дозволяли сварить пива, браги и меда и погулять только в праздники; но, когда вино начали продавать от казны, когда к слову “кабак” приложили эпитет “царев”, пьянство стало всеобщим качеством».

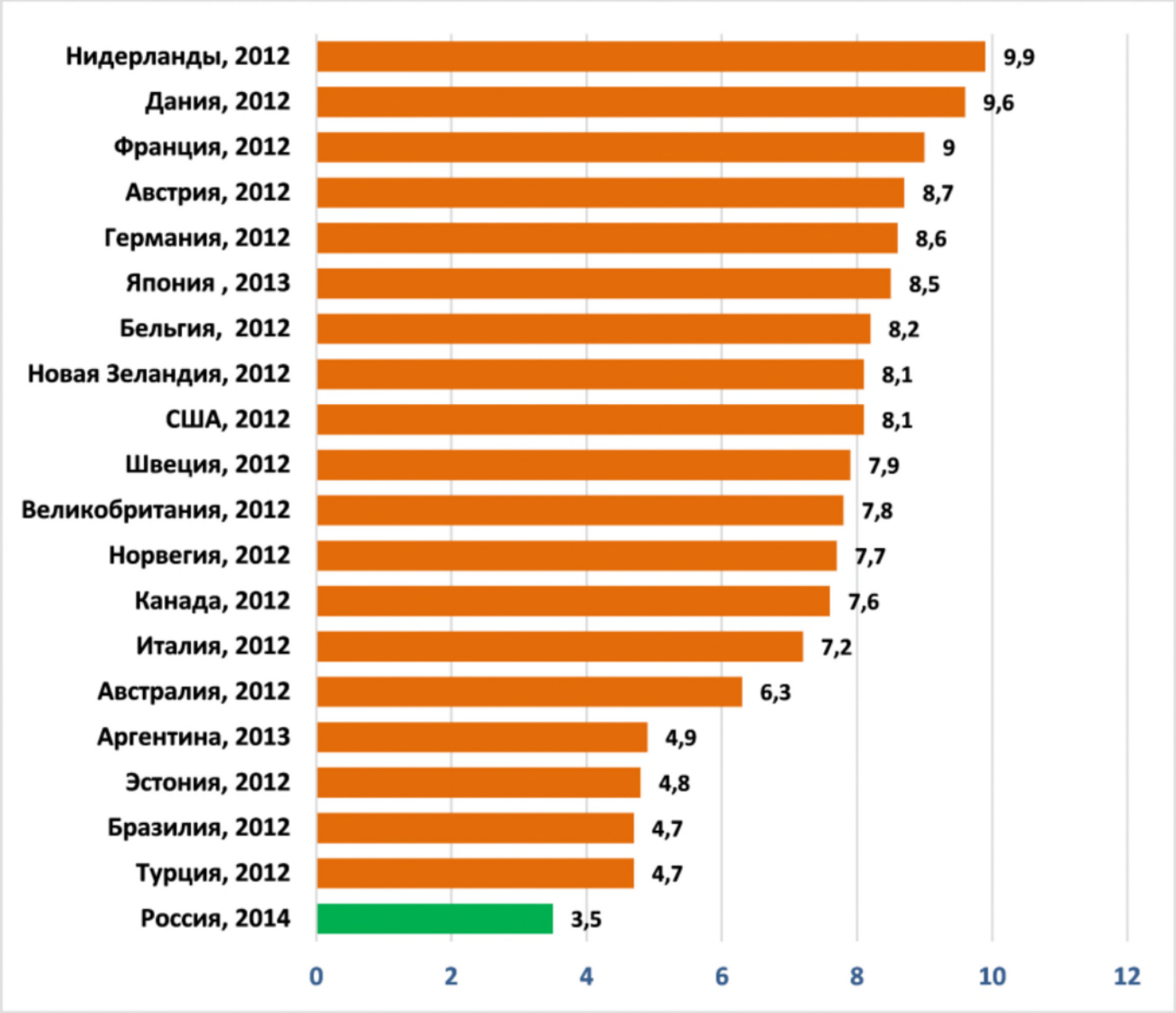
Роль питейного дохода хорошо понимал Сергей Витте, который и сам прибегал к этому источнику пополнения казны и признавал это.

Революция, провозгласившая полный разрыв с царским наследием, может быть, с какими-то традициями и порвала, но только не с этой. В 1923 году в СССР был отменен введенный в 1914 году сухой закон, а в 1925 году Сталин с трибуны XIV съезда партии (первый съезд, на котором он выступал с главным докладом) разъяснил позицию партии в этом вопросе.

«Два слова об одном источнике резерва – о водке. Есть люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках. Это – грубейшая ошибка, товарищи. Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если, кроме того, мы не можем пойти в кабалу к капиталистам..., – то остается одно: искать источников в других областях... Тут надо выбирать между кабалой и водкой, и люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются» [18].

Выбор был сделан в пользу водки – зависимость социализма от водки сохранялась очень долго. Когда готовилась горбачевская антиалкогольная кампания, против нее возражал тогдашний председатель Госплана СССР Николай Байбаков. Он предупреждал: «в плане 1985 года водка занимала 24% в товарообороте... Товарищи, не торопитесь – разбалансируем бюджет. Ведь речь идет все-таки о 25 млрд рублей» [19].

И все же, видимо, главная причина непреодоленного кризиса смертности – это низкое место ценности жизни на шкале ценностей революционного столетия, начиная с первых расстрелов и по сегодняшний день. Ни одна уважающая себя страна не может себе позволить тратить на охрану здоровья такую маленькую долю своих доходов, как Россия.



Государственные расходы на здравоохранение в % к ВВП. Источник: Здравоохранение в России. 2015. Стат. Сб. М. : Росстат. 2015: 160.

Именно отношение к ценности жизни сближает вопрос о демографических итогах революции с вопросом о ее духовных итогах: в каком-то смысле – это один и тот же вопрос. И, видимо, итоги таковы, что они заставляют нас так невнятно, почти без упоминаний, переживать год столетия революции.

Такая невнятность не способствует переосмыслению того, что произошло с нашей страной сто лет назад. А переосмыслить необходимо. В частности же, я уверен, рано или поздно будет поставлен вопрос о том, не был ли Октябрьский переворот, которым завершился тот революционный год, на самом деле, контрреволюционным переворотом, в результате которого под треск революционных агиток возродилось самодержавие, но в гораздо более жестком и бесчеловечном обличии, чем свергнутое.

Источники

[1] Keynes J.M. The Economic Consequences of the Peace. New York: Harcourt, Brace, and Howe, Inc. 1920. II.10.

[2] Успенский Г.И. Через пень-колоду (1885).

[3] Первая советская Конституция (Конституция РСФСР 1918 года). Сб. документов под редакцией А.Я. Вышинского. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР. 1938. Раздел 2, гл. 5, п. 9.

[4] Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ: 92.

[5] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том) М., Госстатиздат, 1962: 13; Население России за 100 лет (1897–1997). Статистический сборник. М. : Госкомстат России. 1998: 32.

[6] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 43: 234; т. 44: 110, 166, 400; т. 45: 89, 189, 417.

[7] Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. Соч., т. 13. М. : Гос. изд. политической литературы. 1951: 336.

[8] Там же.

[9] Сталин И.В. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок 1 декабря 1935 года. Соч., т. 14. М. : «Писатель». 1951: 95–96.

[10] Сталин И.В. (1997). Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Соч., т. 14. М. : «Писатель»: 297.

[11] Съезд ВКП(б) (1939). XVIII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. ОГИЗ: 57.

[12] Там же: 13–14.

[13] Вознесенский Н. (1948). Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Госполитиздат: 19.

[14] Съезд КПСС. XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 года. Т. 2. М. : Политиздат. 1962: 184.

[15] Timasheff N.S. The postwar population of the Soviet Union. "The American Journal of Socioilogy", 1948, v. 54, 2: 153–155.

[16] РГАЭ. Ф. 1562. Оп.33 Д.2990. Л.75.

[17] Демографическая модернизация России: 445.

[18] Сталин И.В. Политический отчет Центрального комитета на XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925

года // Соч., т. 7. М. : Гос. Изд. полит. Литературы. 1947: 340–341.

[19] Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М. : Республика, 1993: 161.

Свято-Филаретовский институт (СФИ) — автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования. Институт реализует программы высшего профессионального образования по теологии (бакалавриат, магистратура) и истории (магистратура), а также дополнительного профессионального образования по теологии, религиоведению, истории и социальной работе. Учредитель: РОО «Сретение».

КОНТАКТЫ

Телефон: +7 495 623 03 80

E-mail: info@sfi.ru

105066, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный, пер. Токмаков, д. 11

Карта проезда ›

По вопросам работы сайта
Софья Андросенко
+7 962 986 74 33
sofia@sfi.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Наш Youtube-канал

Наш Telegram-канал

Наша страница в VK

«Вестник Свято-Филаретовского института» на Academia

Лицензия на осуществление образовательной деятельности от 29 декабря 2022 года
Свидетельство о государственной аккредитации от 26 января 2023 года
Свидетельство о церковной аккредитации № 26 от 1 декабря 2022 года

Все документы ›

РЕКВИЗИТЫ СФИ

ИНН: 9701225665, КПП: 770101001
Р/с: 40703810838120100621 ПАО Сбербанк
К/с: 30101810400000000225
БИК: 044525225
ОКТМО: 45375000
ОГРН: 1227700696850
ОКПО: 74556262
ОКВЭД: 85.22

Версия сайта для слабовидящих ›

Ситуационный центр Минобрнауки по COVID-2019 («Горячая линия» с 8:00 до 20:00 по московскому времени): +7 (495) 198-00-00

12+ © Свято-Филаретовский институт. Использование в любой форме материалов этого сайта допустимо только при наличии активной ссылки на https://sfi.ru/